

9(524.6)

М.П.Ш

Т 505

Н.Х.

Стогожинов Г.

О Бийский урочище

Бийский урочище в Кемеровской области

Алчим - Алма - Шлюенба,

1929, 41 стр -

The Curious O

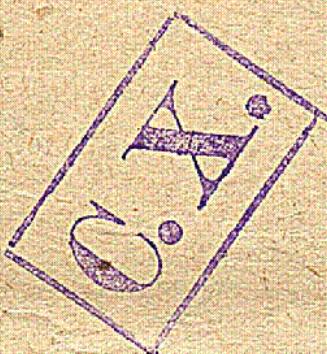
Т. СОГЖАНОВ

ИЕНА 75 КОП.

Б

ДАЙТУРСУНОВЕ

ДАЙТУРСНОВЩИНЕ

АЛМА-АТА - МОСКВА

Красное издание Организации Казахстана

ОГИЗ

1932

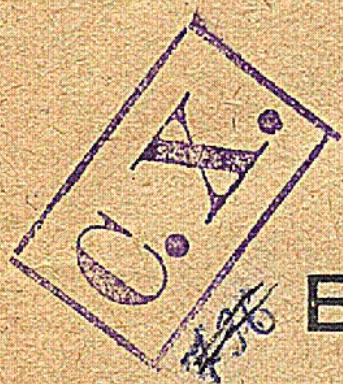
9 (584.6)

Т 505

РК
01.30.1974

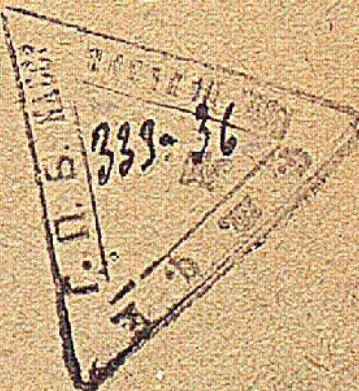
Т - 13.1

Г. ТОГЖАНОВ

О
БАЙТУРСУНОВЕ
И
БАЙТУРСУНОВЩИНЕ

С.Х. 8.8.88
0000000000000000

XII П-9

PK

20030 МГУ

310698

ГОД. БИБ. 1971

Кат. СР им. А. С. Пушкина
ИНН №

1. О РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОЛИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Прежде чем писать о конкретной деятельности и политической линии Байтурсунова А., нельзя не затронуть некоторых вопросов общего порядка, имеющих непосредственное отношение к деятельности не только Байтурсунова—одного из вождей казацкого байства,—но и деятельности всей казацкой дореволюционной националистической интеллигенции и пореволюционной алаш-орды в целом.

До сего времени в нашей литературе имеет хождение одно неправильное, непартийное мнение, выражющееся в том, что якобы казацкая националистическая интеллигенция, руководимая Байтурсуновым, Букейхановым и др. до Февральской, а некоторые утверждают—даже до Октябрьской революции, обективно играла революционную роль¹, что будто бы „она являлась интеллигенцией прогрессивной и боролась с царским, колонизаторским правительством“. Нам думается, такое мнение многими товарищами высказывается просто по недоразумению, основанному на незнании истории национально-освободительного движения среди казаков и практической деятельности дореволюционной националистической интеллигенции. Малейший анализ практической деятельности и политической позиции казацкой националистической интеллигенции (во главе с Байтурсуновым, Букейхановым и др.) подтверждает то положение, что казацкая националистическая интеллигенция до Февральской революции, не говоря уже об Октябрьской, не всегда возглавляла национально-освободительное движение и не всегда боролась с царским самодержавием.

Возьмем 1916 год. Как известно, восстание казаков в 1916 году по существу было восстанием против царя и против его колонизаторской политики. Но казацкая буржуазия во главе с националистической интеллигенцией самым позорным образом предала это обективно революционное движение, причем предала она не только своим неучастием в восстании, но она (казацкая националистическая буржуазия и интеллигенция) вместе с байством активно

1. Такая неправильная точка зрения высказывалась и в моей книжке—„Критика Аймаутова и поэзия Джумабаева“. Г. Т.

участвовала в подавлении восстания. Отдельные руководители националистической интеллигенции (Дулатов, Тынышбаев и др.) сами разъезжали по казацким районам и угооваривали казацкие массы подчиниться приказу царя.

В 1916 году казацкая буржуазная газета „Казак“, бесменным редактором которой являлся Байтурсынов, по существу выполняла роль царского „агитпропа“. В нескольких номерах газеты „Казак“ вожди националистической интеллигенции выступали с воззваниями и во всех этих воззваниях призывали казацкий народ к безоговорочному выполнению приказа „справедливого белого царя“ (Букейханов). В одном из таких обращений к казацкому народу за подписями трех вождей националистической интеллигенции говорилось:

„Некоторые в степи распространяют о нас провокационные слухи, что мы якобы за восстание против царского приказа о мобилизации джигитов. Это клевета. Мы за осуществление приказа царя в жизнь. Об этом мы уже известили все казацкое население. Ежедневно пишем в нашей газете. Провокационным слухам не верьте. Мы так никогда не скажем. Байтурсынов, Букейханов, Дулатов.“

Эти же вожди националистической интеллигенции в другом номере газеты „Казак“ писали:

„Приказ царя должен быть безоговорочно выполнен. Мы так говорили и будем говорить. Царю честно служить—наш долг. Это надо разъяснить казацкому народу. Мы принимаем все меры к тому, чтобы убедить наш народ в этом..“

И дальше говорится:

„На актюбинском совещании казаки делились на две группы. Одна группа—это знатные аксакалы, образованная интеллигенция и должностные лица они за осуществлен приказа царя. Вторая группа (против приказа царя)—это неграмотные, несознательные казацкие крестьяне.“ (См. „Казак“—передовая от 22 июля 1916 года.)

Именно в том-то и дело, что эти „неграмотные казацкие крестьяне“ оказались куда сознательнее и революционнее тогдашней „образованной интеллигенции“.

Здесь же нельзя не привести еще такой характерный факт. На Тургайском съезде казаков тургайский губернатор (прибывший туда с вооруженным отрядом для подавления восстания) в своей речи заявил, что, мол, казаки Тургайской области всегда были преданы царю, что и теперь они докажут свою преданность, и об этом он несколько раз докладывал царю.

Один из рядовых казаков после выступления губернатора взял слово и тут же ему ответил:

„Вам мы никогда не говорили, что мы преданы царю и что являемся покорными слугами его. Когда мы вам так сказали и кто вас уполномочивал так докладывать царю?“

Этот казак был неграмотным, „необразованным“, но он душой был народным революционером. Этими словами умел он все же выразить желание и революционное недовольство казацких масс царской политикой.

А вожди националистической интеллигенции в газете, осуждая этого казака, писали:

„Он заявил только свое мнение, и это мнение нельзя считать мнением всего казацкого народа. Этот казак высказал такое мнение по своей безграмотности, не разбираясь ни в чем“ (См. „Казак“, 1916 г., № 198.)

Мы не сомневаемся в том, что Дулатовы в 1916 году делали свои дела „разбираясь“, сознательно защищали царя и с полным сознанием своих классовых интересов осуждали этого неграмотного, „несознательного“ казака. Но вместе с тем надо заявить, что эти „безграмотные“ казаки восстали против царя с полным сознанием всей глубины его зверского, колониального гнета, и издевательства над казацкими массами. Эти же „безграмотные“ казаки не послушались всех „образованных, знатных и должностных“ предателей казацкого народа, несмотря на их угрозы и агитацию, восстали не только против царя, но и против своих предателей—баев и их идеологов—националистов.

Опозоренные своим предательством, вожди националистической интеллигенции опустились до такой низости, что на страницах своей же газеты открыто восхваляли, популяризировали всем известных ярых монархистов-черносотенцев, тогдашних генерал-губернаторов (уральского, тургайского, туркестанского и т. д.), как истинных друзей казацкого народа. О туркестанском генерал-губернаторе Куропаткине они писали так:

„Куропаткин добный и воспитанный человек. Он согласно справедливого закона установит порядок. Назначение Куропаткина для Туркестана—это счастье. Туркестанские народности теперь счастливы.“ (См. „Казак“, 1916 год, № 192.)

Чем же отличаются такие вожди националистической интеллигенции от обыкновенных монархистов-черносотенцев? И в самом деле, уже в 1916 году между теми и другими не было почти никакой разницы. И те и другие одинаково старались „честно служить царю“ и пели „Боже, царя храни!“

Интересно, как оценивали вожди националистической интеллигенции само восстание казаков? По их мнению, это было не народное восстание против царя и его политики, а просто „дело аферистов и шаек“. На совещании „казацких вождей“ в Оренбурге под председательством Букейханова они в своих протоколах записали:

„Природные условия, теплые дни, наличие подножного корма для лошадей, удобство добывания пищи и для самих людей много способствуют образованию шаек в степи. С наступлением зимних холодов и с исчезновением всех этих благоприятных условий шайка распадется и киргизы вернутся в аулы.“ (См. прот. совещания)

Таким образом Букейхановы и Байтурсыновы перешеголяли даже тогдашних штатных монархистов-черно-

сотенцев. Даже монархисты-губернаторы (Куропаткин и др.) так не оценивали восстание казаков. Они и то поняли, что это восстание есть глубоко народное движение, а „вожди“ националистической интеллигенции настолько увлеклись своей „честной, преданной службой белому справедливому царю“, что восстание казацких масс „приняли“ за бандитизм, порожденный благоприятными природными условиями!»

В то же время в районах, аулах, в степи казацкие бай—опора националистической интеллигенции, с благословения своих идеологов-руководителей—Букейханова, Байтурсынова и Дулатова,—активно помогали царским отрядам в подавлении восстания казацких масс. По минимальным приблизительным подсчетам самого же Дулатова во время восстания было убито, расстреляно более 30 тысяч казаков. А сколько ранено, арестовано и сослано?

Националистическая интеллигенция, во главе с Байтурсыновым, Букейхановым, и после подавления восстания казаков последовательно продолжала политику поддержки царского правительства, агитировала казацкие массы за империалистическую войну „до победоносного конца“. В своем докладе земскому и городскому комитетам, опубликованном в газете „Казак“, перед самой Февральской революцией (23-го февраля 1917 года) Алихан Букейханов вместе с другими националистами писал:

„Мы всем казацким джигитам, находящимся на фронте, разъяснили, что лучшие люди, которые болею душой за Россию сейчас обединились в союз земских и городских комитетов. Вы работаете под руководством этой организации. Будьте примерными, не ленитесь, порученную вам работу выполняйте добросовестно. После окончания войны за труд получите вознаграждение. Многие из вас еще молодые, мы не советуем вам иметь дело с русскими женщинами. Самый верный выход для молодых—это работать до тех пор, пока совсем не устанет.“ (См. „Казак“, № 219.)

Другими словами: работайте казаки до упаду на войну, на белого русского царя. Работайте как истинные рабы, ибо, работая до упаду, вы не теряете своего национального лица.

Так националистические ханжи Байтурсыновы „опекали“ своих джигитов и под видом сохранения национальной чистоты отдавали их в полное рабство царизму.

О чем говорят эти факты? Говорят они о том, что казацкая националистическая интеллигенция во главе с Букейхановым и Байтурсыновым не была прогрессивной не только до Октября, но она не была таковой и до Февральской революции. 1916 год для Байтурсыновых был последним экзаменом. Этот экзамен они не выдержали, наоборот, именно в 1916 году они до конца выявили свое байское, контрреволюционное лицо. Поэтому, когда говорят о прогрессивной роли националистической интели-

генции, возглавляемой Букейхановым и Байтурсыновым в дореволюционный период, то надо различать, о каком дореволюционном периоде идет речь и до какого этапа национально-освободительного движения Букейхановы и Байтурсыновышли в главе национального движения среди казаков.

* * *

Анализ всей деятельности и политической позиции букеихано-байтурсыновской группы² националистической интеллигенции показывает, что эта группа националистической интеллигенции после восстания 1916 года уже окончательно стала на путь реакции и поддержки царской власти.

В своей статье— „О буржуазных и мелкобуржуазных „теориях“ об ауле“— я доказывал, что Букейхановы и Байтурсыновы вообще не являлись последовательными борцами против царской политики. В ряде основных вопросов казахской общественной жизни (землепользование, оседание, религия и т. д.) они занимали самую реакционную позицию, они защищали позицию русского монархизма и казахских полуфеодалов. Даже и до 1916 года эта группа националистической интеллигенции, в частности Букейханов, Байтурсынов и др., свою „борьбу“ с царской политикой вели только в рамках законов царского правительства. При царизме одним из основных их лозунгов являлся— выбор депутата от казахского населения в государственную думу, якобы для защиты интересов казахского населения через эту „справедливую, народную, верховную власть народов России“ (Букейханов).

Здесь же надо отметить, что дореволюционная основная положительная программа националистической интеллигенции (имевшая тогда прогрессивное значение) — призыв к просвещению, культуре — и то не имела боевого характера. Правильно пишет тов. Исаев, что этот их призыв к просвещению и культуре переплетался с „оплакиванием прошлой вольной жизни казахских ханов“.¹ Ни в одном литературном документе дореволюционной националистической интеллигенции не найти призыва к революционной борьбе, к революционному свержению царя. Не было такого призыва. И тогдашняя националистическая интеллигенция, во главе с Букейхановым — этим кадетом, полумонархистом — никогда о нем не думала и не желала этого призыва к революции. Освобождение казахского народа она мыслила только в рамках уточнения некоторых пунктов закона царской власти. Дальше бесплодных мечтаний „прогрессизм“ националистической интеллигенции не распространялся.

² См. статью тов. Исаева — Предисловие к сборнику „Алаш-орда.“

2. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И АЛАШ-ОРДА

В статьях и выступлениях ряда товарищей (Бочагова, Кенжина, Рыскулова, Павлова, Кобылова и др.) имелось смешение национально-освободительного движения с алаш-ордой. Это два понятия, но они ими отождествляются, а отсюда то утверждение, что „алаш-ординское движение до революции было прогрессивное движение“ или — „алаш-орда в первый период своего формирования была прогрессивной, революционной силой, ее поддерживали массы в большей мере“ и что „основной силой движения была трудовая деиханская масса“, и т. д. Все это конечно неверно. Неверно, во-первых, потому, что до революции ни алаш-ординского правительства, ни алаш-ординского прогрессивного движения не было. Алаш-орда как правительство и „Алаш“ как политическая партия, появились только после Февральской революции. До революции прогрессивным движением являлось не алаш-ординское, а национально-освободительное движение. Это две вещи разные.

Выше отмечено, что дореволюционное, национально-освободительное движение не всегда возглавлялось националистической интеллигенцией, в частности ее вождями Байтурсыновым, Букейхановым и другими. А после 1916 года эта группа националистической интеллигенции окончательно отошла от интересов национально-освободительного движения. В 1916 году казакские массы, без этих вождей националистов, сами пошли по революционному пути.

Во-вторых, неверно потому, что алаш-орда никогда не была революционной. Она оформилась с самого начала как контрреволюционное „национальное“ правительство. Партия „Алаш“, руководившая этим правительством по своей программе и практической деятельности была с самого начала тоже реакционной партией.

В-третьих, неверно и потому, что в первый период революции (между Февральной и Октябрьской) национально-освободительное движение не поглощалось алаш-ординским движением. И тут нельзя поставить знак равенства — между национально-освободительным движением и алаш-ордой. Правда, между Февралем и Октябрем господствующей политической силой в общественной жизни казаков все еще являлось казакское байство, во главе с националистической интеллигенцией (Букейхановыми, Байтурсыновыми). Она же всячески старалась использовать Февральскую революцию только в интересах казакского байства, продолжения байской эксплуатации казакских масс. Кстати здесь же заметим, что после Февральной революции все бывшие казакские монархисты, царские чиновники, взяточники, реакционные

феодалы, ишаны и муллы,—все оказались „защитниками свободы и равенства“. Под видом защиты национальных интересов казацкого народа они приступили к организации контрреволюционного алаш-ординского правительства, блокируясь с контрреволюционной русской буржуазией. Но даже и в этот период в ряде казацких областей начались отколы от алаш-ординской интеллигенции, усилилось недовольство масс и известной части демократической интеллигенции (Омск, Акмолинск, Урда, Семипалатинск, Тургай и т. д.). Национально-освободительное движение, в особенности среди широких масс казаков, у которых хотя не было еще вполне ясной политической программы, но у которых зато было единственное желание освободиться как от колониального гнета, так и от гнета своей буржуазии. Это желание переросло алаш-орду до Октября и в ряде мест стихийно, не совсем организованно, а иногда и очень глоухо, выливалось в контралашское движение. После Октябрьской революции это движение принимает уже более определенный массовый характер и постепенно перерастает в движение за советскую власть, движение социалистическое.¹

Кажется теперь ясно, почему нельзя алаш-ординское движение смешивать с национально-освободительным движением и что алаш-орда и национально-освободительное движение не одно и то же.

3. ПАРТИЯ „АЛАШ“— ПАРТИЯ ПОЛУФЕОДАЛЬНОГО БАЙСТВА

В своей книжке „Алаш-орда“ тов. Бочагов на основании якобы изучения документов, программы и деятельности алаш-орды приходит к заключению, что „партия Алаш была партией мелкой национальной буржуазии“. Мы не знаем, есть ли у тов. Бочагова еще какие-либо другие документы, которые не вошли в его книжку и которые подтверждали бы правильность его утверждения, но известные нам документы, вроде программы „Алаш“, как и вся ее деятельность говорят как раз о другом, а именно о том, что партия „Алаш“ являлась партией не „мелкой национальной буржуазии“, а партией полуфеодального байства. И для того, чтобы доказать, почему партия „Алаш“ являлась партией полуфеодалов, достаточно знать один только „документ“—её программу.

Для казацких масс до Октября и в период Февральской революции основным неразрешенным вопросом считался земельный вопрос, в частности—обеспечение зем-

¹ Вопрос о перерастании национально-освободительного движения в социалистическое движение у нас в Казахстане требует специальной разработки. К этому вопросу мы вернемся в другой связи. Г. Т.

лей казакских масс. Как разрешала этот вопрос партия „Алаш“? Она разрешала его только в пользу полуфеодального байства. В своей программе она окончательно закрепляла старое землепользование „родами“, что на деле означало, что хозяином земли по старому останется бай, полуфеодал. Тов. Бочагов утверждает, что пользование землей „родами“—это значит землепользование в интересах мелкой буржуазии. Ничуть. Рода как общественно-экономической категории в казацком ауле уже не было. Остались только пережитки родовых отношений в общественно-политической жизни аула. Бай, полуфеодалы всячески старались использовать эти пережитки родовых отношений и под видом защиты интересов „рода“ и „своих родственников“ эксплуатировали казакские массы. Точно также, под видом якобы „родового землепользования“, они пользовались самыми лучшими угодьями в степи. Казанская масса—беднота и середнячество—тогда была заинтересована не в родовом землеиспользовании, а в индивидуальном наделе. Лозунгом казакских масс был передел земли. Партия „Алаш“ этого не сделала, не хотела и вполне естественно—не могла этого сделать. Будучи партией полуфеодалов, она совершенно не была заинтересована в переделе земли.

Другой довод тов. Бочагова, который им приводится в качестве доказательства мелкобуржуазности „Алаш“—это то, что „партия „Алаш“ в программе запретила продажу земли“. В том то и дело, что партия „Алаш“ этим пунктом запрета продажи земли последовательно защищает интересы не казацкой мелкой буржуазии, а баев-полуфеодалов. Ясно, что полуфеодалы не нуждались в продаже земли (а если бы это им нужно было, они бы никого не постыдились это сделать). Им нужно было в первую очередь обеспечить себя лучшими пастбищами, джайлуюами, кузеками, тебеневской для их многочисленных стад. Поскольку это так, продажа земли не была в их интересах; поэтому и только поэтому партия „Алаш“ сознательно в своей программе запрещала продажу земли.

Не менее характерен пункт программы партии „Алаш“ о судебном строительстве. Программа „Алаш“ говорит:

„Судимость и суд у каждого народа должны быть сообразно обычая. Суд же в степи должен происходить по всем обычаям и нравам народа.“

Правильно утверждает тов. Бочагов, когда он пишет, что „так говорит партия „Алаш“ в параграфе пятом своей программы, отдавая широкие массы в степи на произвол и откуп феодальной аристократии и байства“. Если так, то как можно назвать такую партию, партией мелкой буржуазии? Никак нельзя.

Далее, возьмем женский вопрос. В национально-освободительном движении, в особенности среди национальной демократической молодежи, этот вопрос являлся наиболее злободневным. Бесправные казакские женщины восприняли революцию, в первую очередь, как свободу казачкам. А какую свободу дала им партия „Алаш“ в своей программе? Она ухудшила еще более положение казачек, отдавая их во власть ишапов и мулл.

Как же можно после всего этого такую партию называть партией мелкой буржуазии?

Партия „Алаш“ со дня своего рождения была партией полуфеодалов.¹ Такой же оставалась она и до ликвидации. Полуфеодальную классовую сущность она доказала всей своей контрреволюционной практикой.

В связи с этим нельзя не отметить и политическую ошибку тов. Кенжина. В своей статье о партии „Алаш“ в журнале „Кыл-Казакстан“ (1923 год) он отрицает существование партии „Алаш“ и пишет, что „ее программа—это только наказ членам учредительного собрания“. Неверно. Это по существу смазывание контрреволюционной роли „Алаш“. Так всегда говорили (при советской власти) сами о себе алаш-ординцы, для того чтобы скрыть свое контрреволюционное лицо Тов. Кенжин этим утверждением только некритически повторяет слова самих алаш-ординцев.

Такой же обективной защитой алаш-орды со стороны тов. Кенжина является то, что всю контрреволюционную классовую сущность программы партии „Алаш“ он сводит к политической неграмотности руководителей „Алаш“. Такая, мол, программа получилась потому, что „руководители оказались политически незрелыми“ и они, мол, „доверились временному правительству“. Такое утверждение тов. Кенжина по меньшей мере обнаруживает политическую незрелость самого тов. Кенжина, но ничуть не руководителей „Алаш“. Букейханов и Байтурсынов были вполне политически грамотными людьми. Они вполне последовательно защищали интересы

¹ Тов. Бочагов—в своей книжке „Алаш-Орда“—казакскую крупную буржуазию противопоставляет полуфеодальному байству. Но при этом неизвестно, кого считает тов. Бочагов крупной казакской буржуазией. Об этом он ясно не пишет. Но одно ясно, что крупную буржуазию он отделяет от полуфеодального байства. И это не совсем верно. Казанская крупная (это понятие относительное) торовая буржуазия и крупные землевладельцы—это и есть в основном полуфеодальное байство. В животноводческих районах полуфеодальный бай—он же и крупный торговец. В земледельческих северных районах в большинстве случаев крупный землевладелец—он же полуфеодал. Г. Т.

своего класса, класса полуфеодального байства. И их программа вполне соответствовала интересам этих полуфеодалов.

После этих общих замечаний перейдем к оценке деятельности и политической линии вождя националистической интеллигенции—Байтурсынова.

4. АЛАШ-ОРДИНСКАЯ ЛЕГЕНДА О БАЙТУРСУНОВЕ

В казахской пореволюционной литературе, посвященной анализу и оценке деятельности Байтурсынова, по крайней мере до 1927 года, не только среди беспартийной националистической интеллигенции, но и среди известной части казахских коммунистов, господствовало немарксистское, не-ленинское понимание роли Байтурсынова в дореволюционном национально-освободительном движении и пореволюционной жизни казаков.

Вполне понятно, что часть алаш-ординской интеллигенции всегда старалась представлять Байтурсынова национальным героем и вождем всего казахского народа. Она сознательно, с целью обмана казахских масс, сочиняла всякие легенды о Байтурсынове как о „единственном честном казацком деле, мученике, страдавшем за казахский народ“ (Аузов), и о том, что „Байтурсынов—первый революционер из казаков, светоч науки и гордость казахского народа, создатель казацкого языка, литературы и национальной школы“ (Омаров, Дулатов¹ Табунбаев²), и т. д. Эта алаш-ординская, насквозь лживая легенда о Байтурсынове особенно распространялась алаш-ординцами среди учащейся молодежи и беспартийной советской интеллигенции. Некоторая часть казахской советской интеллигенции в свое время поддавалась этой алаш-ординской легенде, и отдельные казахские научные работники даже выступали в печати (Амина Маметова—1927 г.), упрекая казахских коммунистов в том, что они „недооценивают заслуг Байтурсынова, что он ни чем не хуже Чернышевского³“, и т. д.

Мало этого. До 1925-26 годов недалеки были от алаш-ординской оценки Байтурсынова и многие казахские коммунисты. Среди них наиболее ярким выразителем и защитником алаш-ординского мнения о Байтурсынове являлись Смагул Садвокасов и Султанбек Ходжанов.

Смагул Садвокасов в своем докладе по поводу 50-летия Байтурсынова оценил его деятельность так:

¹ См. труды О-ва изучения Киргрия. Вып. 3-й.

² См. Газеты: „Тильчи“, „Ак-жол“, 1922 год.

³ См. мою книгу—„Вопросы литературы и критики“, 1929 г.

„Ахмет служил казакскому народу бесплатно, неустанно, неподкладая рук, со всей преданностью. Он построил каменное здание. Охранять в чистоте и порядке построенное Ахметом здание—наша обязанность. Дать правильный российско-засеченному Ахметом—наш долг. Мы обязаны продолжать дело отца“ (Ахмета Г. Т.—Взято из рукописи его доклада).

То же самое писал и тов. С. Ходжанов. В своей статье „Клевета или дружба“ в газ. „Ак-Жол“, (1924 г.) он пишет:

„Байтурсынов неустанно работал за создание казахского языка; очистив его от всякой примеси, на деле разрешил казахскую орфографию, написал для казахских школ учебники, создал национальную школу, национальную литературу и был первым основателем национальной культуры“, и т. д.¹

И тов. Токтабаев Иса—этот последовательный проводник ходжановской, алаш-ординской идеологии в печати, будучи несколько лет редактором газ. „Ак-Жол“, ежегодно, регулярно в день советской печати, на первых страницах газеты печатал, размером на пол страницы, портрет Байтурсынова и от редакции разъяснял, что „Байтурсынов—отец, вождь казахской национальной печати“. ²

Чем отличаются все эти, нами приведенные утверждения С. Садвокасова, С. Ходжанова и И. Токтабаева о Байтурсынове от оценки алаш-ординской националистической интеллигентии? Абсолютно ни чем не отличаются. Они повторяют о Байтурсынове от начала до конца алаш-ординскую легенду. По мнению С. Садвокасова, „Байтурсынов—вождь казахских масс; мы, казахские коммунисты, являемся лишь продолжателями его дела. Наша обязанность охранять построенное Ахметом здание и проводить в жизнь „заветы“ Байтурсынова“. Иными словами, но то же самое утверждают и т. т. Ходжанов и Токтабаев. Никогда мы не сомневались в том, что и С. Садвокасов, и Ходжанов, и вся их компания внутри ВКП(б) всегда являлись лишь агентами алаш-орды и в теории и на практике продолжали действительно дело Байтурсыновых.

Не случайно С. Садвокасов рекомендован жене Букейханова алаш-ординацем Аузевым таким образом, что „С. Садвокасов коммунист его фабрикации“. ³ Иначе говоря, тот же алаш-ординаец, но только с партбилетом коммунистической партии. Не случайно все алаш-ординацы (Дулатовы, Аузовы, Джумабаевы и т. п.) при советской власти находили всегда приют у Ходжанова, и не случайно алаш-ординские руководители (Байтурсынов, Букейханов, Дулатов) популяризировались на страницах „Ак-Жол“, „Шолпан“ и т. д.

¹ См. статью Токпак (псевдоним Ходжанова), „Ак-Жол“, 1924 г.

² См. юбилейные номера „Ак-Жол“ за 1922, 23, 24 г.г. (Г. Т.)

³ См. ст. Нахимжана—„Советская степь“, 1929 г.

Но картина антипартийных, немарксистских взглядов о Байтурсынове не была бы полна, если бы в этой связи не было ничего сказано и об ошибках тов. Сакена Сейфуллина, тов. Рыскулова, и автора этих строк. Об ошибках этих товарищей нужно сказать потому, что они сами, желая вести борьбу с алаш-ординской идеологией, в ряде своих трудов, разоблачая алаш-орду в целом как идеолога казацкого байства, в оценке Байтурсынова сами попадали под влияние алаш-ординской, садвокасово-ходжановской легенды о Байтурсынове.

Тов. Сейфуллин, будучи пред. Совнаркома и ответственным редактором газеты „Энбекши Казак“, в 1923 году в своей статье о Байтурсынове писал, что:

„Ахмет—не рядовой человек. В свое время, когда народ (подразумевается казацкий—Г. Т.) стонал под гнетом царских приспешников и подвергался издевательству, в это время с защитой интересов этого народа выступал Ахмет... Он не делил казakov на бедноту и на баев. Их одинаково защищал, одинаково заботился о них. Когда все остальные казацкие интеллигенты себе устраивали карьеру, тогда только один Ахмет выступал с защитой интересов казацкого народа. Ахмет был предан интересам казацкого народа. Только этим и можно об'яснить то положение, что в 1917 году, любя свой народ, в интересах казацкого народа он вместе с бессовестными казацкими „националистами“ организовал партию „Алаш“. Опять-таки в интересах казацкой нации он вступил и в коммунистическую партию. Ахмет, любящий только казаков, не разделяя их на бедноту и баев,—честный националист.“

Одним словом, и по мнению тов. С. Сейфуллина, Ахмет—легендарный „сверх-человек“, мученик, всенародный националист, страдалец за интересы всего казацкого народа. В этой статье коммуниста Сейфуллина трудно отличить от националиста алаш-ординца. В оценке Байтурсынова между ними почти нет никакой разницы.

В своей книжке „Критика Аймаутова и поэзия Джумабаева“ (которую я написал в конце 1924 года), в основном правильно разоблачая алаш-ординскую критику Аймаутова и байское творчество Джумабаева, в оценке дереволюционной деятельности Байтурсынова я сошел с партийной позиции, сам того не сознавая, о дереволюционной деятельности Байтурсынова высказал алаш-ординскую, садвокасово-ходжановскую легенду. Полемизируя с националистом Аймаутовым, который в критической статье о творчестве Джумабаева утверждал: „казацкие коммунисты говорят, что нужно сжечь все произведения казацких поэтов не-коммунистов“, в своей книжке я ему отвечал:

„Коммунисты—руководители казацких трудящихся—умеют не хуже Аймаутовых дать должную оценку старому наследству. Казацкие коммунисты хорошо знают, что в свое время и у казаков были исторические личности и поэты. Они имеют свои историче-

ские заслуги. И в казакской действительности имеется культурное наследство, которое казакские трудящиеся должны использовать.

Когда казакская степь находилась в вековой спячке и угнеталась царским самодержавием, тогда Байтурсынов пел.

О, мой казакский народ,
Согнулась твоя спина,
Будет она сломлена.
Скот грабят,
Людей арестовывают.
Открывай глаза,
Прогнись.
Неужели еще не выспался,
Неужели не надоело спать?

Такими словами он разбудил казахскую степь. Такого Байтурсынова, который в свое время разбудил казаков, казахские массы не забудут, сумеют оценить. Многие из нас воспитывались Ахметом. У тогдашнего Байтурсынова и сейчас есть произведения, не потерявшие своего значения. Работу и произведения Ахмета, которые еще не потеряли своего исторического значения, мы используем... Но сегодняшний казак — не вчерашний казак. Проснувшийся казак. Если вчера казахские трудящиеся терпели двойной гнет: с одной стороны — от русской буржуазии и чиновников, с другой стороны — от своих баев, управителей и писарей, то сегодня эти казахские массы освободились от них обоих. Сами решают свою судьбу. Казахские массы знают и хорошую и плохую сторону прошлого. Они также знают уже — кто сегодня их друзья и кто их враги. Если вчера полезный человек сегодня оказался вредным, то и его уже знают казахские массы.

...Дорогой критик, Юсупбек! Напрасно беспокоитесь о коммунистах, ибо коммунисты никогда не говорили, что они собираются сжечь произведения всех писателей не-коммунистов. Если есть писатели, которые сожжены, то не мы, коммунисты, их сжигаем, они сами себя сжигают, их история сжигает“.

Короче говоря, полемизируя таким образом с националистом Аймаутовым, в оценке дореволюционной деятельности Байтурсынова, я сам защищал его же (т. е. алаш-ординскую) позицию и не дал марксистский анализ и развернутую критику контрреволюционной деятельности Байтурсынова.¹ А такую критику я должен был дать. Тем более я должен был писать о Байтурсынове, которого, как

¹ Не могу не заметить, что утверждение тов. Джанайдара Садвокасова о том, что якобы я „робко брался за критику алаш-ординских писателей и поэтов“, не совсем соответствует действительности. Такое утверждение или явно тенденциозно, или оно обнаруживает абсолютное незнание того, что я писал. С 1924 года — со времени ухода из-под влияния садвокасовской группы — я ставил своей первой обязанностью вести борьбу с алаш-ординской идеологией, с садвокасовщиной. Только борясь с садвокасовщиной, с алаш-ордой, я сам освобождался от садвокасовщины, большевизировал себя. Из того, что я писал с 1924 года, две трети посвящено разоблачению именно алаш-ординской, садвокасово-ходжановской идеологии. Правда, борясь с ними, в отдельных вопросах я сам ошибался и сам же умел признавать и исправлять эти ошибки. Если я в 1924 году ошибался в оценке Байтурсынова, то в последующих трудах его же разоблачал (см. мои статьи и книжки, написанные в 1926, 27, 28, 29 и 1930-31 гг.).

видно из вышеприведенных цитат, не только националистическая беспартийная интеллигенция, но и значительная часть казакских коммунистов представляла „сверхчеловеком“, надклассовым вождем и учителем казацкого народа. Причем так писали не рядовые коммунисты, а „вожди“ тогдашних группировок.

В отношении оценки дореволюционной деятельности Байтурсынова и других вождей националистической интеллигенции непартийную позицию занимал и тов. Рыскулов. В своей ответной статье московским казацким студентам—на их вопрос:

„Как мы оцениваем национальное движение, которое возглавлялось националистической казацкой интеллигенцией во главе с Букейхановым, Байтурсыновым и Дулатовым, до и после Февральской революции (алаш-орда), и каким должно быть отношение нашей партии к этой группе националистической интеллигенции теперь?“

тov. Рыскулов ответил так:

„Националистическая интеллигенция до революции вела работу против царской власти, против старого порядка и за создание новых общественных отношений, и поэтому тогда она была прогрессивной. После Февральской, в особенности после Октябрьской революции известная часть националистической интеллигенции выступила против революции за сохранение старого режима и эту их работу нужно считать вредной дальнейшему продвижению народа.“ („Энбекши-Казак“) 1926 г.)

Цель студенческого письма заключалась в том, что мы, студенты (в числе этих студентов был и я), ставя перед тогдашними руководящими казацкими коммунистами ряд конкретных вопросов, которые волновали тогдашнюю молодую казацкую общественность, требовали соответствующего разъяснения и тем самым хотели выявить отношение к этим вопросам этих „вождей“. Ибо в то время очень много было среди казацких коммунистов всяких групп и их „вождей“, которые спорили между собою, писали друг на друга всякие заявления и т. д., но для многих из нас не было ясно, в чем их разногласия, по каким вопросам идет спор, в чем конкретно выражается их политическая позиция.

Ни для кого не секрет теперь, что отличительной чертой тогдашних „вождей“ и их группировок являлись их редкие выступления с конкретными принципиальными положениями; очень часто в партийных комитетах они говорили, а иногда и писали одно, а в „домкомах“ говорили и делали другое. При таких условиях, с такими группировками не так легко было бороться, а в это время алаш-ординская интеллигенция, пользуясь внутренними „междуусобицами“ казацких коммунистов, втихомолку продолжала свои контре-

волюционные дела. Там, где алаш-ординцам самим не удавалось, они делали это через своих агентов внутри партии — Садвокасовых, Ходжановых и др.

На наше письмо из тогдашних казакских „вождей“ откликнулся только тов. Рыскулов. Остальные предпочли ограничиться молчанием. Но и тов. Рыскулов ответил „вообще“, избегая конкретных, для тогдашних многих „вождей“ очень щепетильных вопросов. В частности, на наш конкретный вопрос, каково их отношение к вождям националистической интеллигенции—А. Байтурсынову и А. Букейханову, тов. Рыскулов предпочел ограничиться ответом вообще о националистической интеллигенции, без имен и фамилий. А ведь мы задали этот вопрос сознательно, зная, что многие тогдашние „вожди“ группировок именно грешили в таких конкретных вопросах, многие из этих товарищ в отношении „вождей“ алаш-орды занимали непартийную позицию, многие находились у них в плену.

5. БЫЛ ЛИ БАЙТУРСУНОВ ВОЖДЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ?

Нам думается, особо останавливаться здесь на анализе насквозь фальшивых, алаш-ординских утверждений т.т. С. Садвокасова, С. Ходжанова, И. Токтабаева и от части Сейфуллина о том, что якобы „Байтурсынов—общенациональный герой и вождь всего казацкого народа, и т. д.“, едва ли имеет смысл; едва ли нужно тратить время на такую контрреволюционную чепуху. О том, что в классовом обществе, в том числе и среди казаков, нет и не может быть никакого надклассового, общенационального—одинаково защищающего и бая, и бедняка—общественного деятеля, об этом сейчас у нас знает любой пионер. Вся легенда о дореволюционной деятельности Байтурсынова, как о мученике, страдальце, герое и т. д., выдумана, сочинена алаш-ординцами для обмана казацких масс. Эта легенда еще более раздувалась и преувеличивалась в различных красках среди казацких коммунистов агентами алаш-орды,—садвокасовцами и ходжановцами. На самом деле никакого легендарного Байтурсынова не было.

Байтурсынов до и после революции был одним из типичных идеологов казацкого байства, никаким особым тяжелым мучениям и гонениям со стороны царской власти не подвергался. За время своей дореволюционной работы он сидел в тюрьмах царского правительства не более 9 месяцев. А царское правительство знало кого и как сажать. Настоящих революционеров царская власть отправляла на вечную каторгу, сажала на 10-15 лет. По отношению Бай

турсунова таких мер она не принимала, ибо знала, что Байтурсунов не опасен. Байтурсунов никогда социалистом не был. В самые обективно-революционные, лучшие дни он оставался только типичным буржуазным реформатором и то не всегда был последовательным. Правда, в дореволюционный период среди националистов Байтурсунов был наиболее яркой и влиятельной фигурой. Он раньше и в более яких красках, чем другие националисты, в своем творчестве призывал казаков к обединению, к знанию и культуре. Писал о забитости казацкого народа, но в то же время оплакивал и былье „свободные“ времена казацкого народа, идеализировал героев старого времени—ханов и знатных баев. Байтурсунов в своем наиболее „революционном“ произведении дальше буржуазного „культурничества“ ничего не видел. Ни намеками ни открыто—он никогда нигде не призывал казацкий народ к революционному действию, к свержению царского гнета. Если внимательно проследить произведения дореволюционных писателей-националистов, то не трудно заметить, что все они истекали в своих произведениях слезами, жалобами на казацкую тяжелую жизнь, оплакиванием и идеализацией быльих времен казацких ханов. Слезы, жалобы, неуверенность, неверие в силу народных масс—вот что было характерно для всей дореволюционной националистической буржуазной литературы. Вот он—этот мотив неверия, безнадежности, морального бессилия—господствовал и в творчестве Байтурсунова:

Вольная степь,
Где твоя свобода?
Где твоя плодородная земля?
Где твои многоводные озера?
Где свободно кочующий народ?
Где смелые защитники этого народа?
Где справедливый бай?
Увы, где эти байские счастливые времена?

(См. стихотворение „Убаюкивание“.)

Или:

Кара Балуан, Джаныбек,
Громогласный Казыбек,
Осиротевшему твоему народу
Кто теперь наследник?
Кто теперь опора?

(См. „Моя клятва“.)

Вот каков был общий мотив байтурсуновского творчества.

Другой характерной чертой байтурсуновского творчества являлось то, что оно в большей части носило харак-

тер саморекламы. В ряде произведений Байтурсунов писал не столько о страданиях казацкого народа, сколько о своем личном страдании, о своем переживании и о том, что все казаки предали его, что они все не честны, нет у них национального самолюбия, сознания и т. д.

Серым ослам¹

О, боже мой, что сделал я этим казакам,
Чтобы так меня мучить!
Ради казацкой чести показал путь
И показал путь не родственникам, а дальним.
Или есть ли у вас деды, скончавшиеся с голоду,
Что бы и вы, как собаки, предали меня?
Всем наводчикам—серым ослам,
Всем, всем—молодым и старым,
Всему вашему поколению будет наложена крепкая
печать проклятия.

Интеллигентская „самовлюбленность“, живо-скромная самореклама, феодальное высокомерие и неверие в революционную силу масс—вот что имелось в творчестве Байтурсунова.

И в бытность редактором газеты „Казак“ Байтурсунов дальше буржуазного „культурничества“ не пошел. В первые годы организации советской власти, среди казацкой интеллигенции (партийной и беспартийной) принято было думать, что Байтурсунов левее, демократичнее Букейханова, что он не был кадетом, и т. д. Это тоже совершенно ошибочное мнение. Правда, Байтурсунов официально не состоял в кадетской партии, но зато он был под влиянием его друга и единомышленника, кадета Букейханова А. Газ. „Казак“, редактором которой был Байтурсунов, издавалась под непосредственным идеальным руководством, при активном участии Букейханова. Кадетская идеология, популяризация кадетской партии и отдельных ее руководителей, работа кадетской думы—все это находило наибольшее место в газете „Казак“. Последняя по своей политической линии была по существу газетой кадетской партии. Букейханов, Байтурсунов и Дулатов—эта тройка до и после революции всегда была едина, ни по политическим ни по организационным вопросам никогда не расходилась и всегда выступала по всем вопросам вместе. Поэтому Байтурсунова отделять от Букейханова нельзя. По своей политической позиции Байтурсунов тоже был кадет. По всем вопросам Байтурсунов всегда и до революции сходился с Букейхановым. В таких вопросах, как оседание, развитие земледе-

¹ Так называл он казаков Г. Т.

лия и т. д. Байтурсынов вместе с Букейхановым защищал самую реакционную позицию. Классовая позиция Байтурсынова с самого начала его политической деятельности являлась позицией казакского полуфеодала, кадетствующего полуфеодального интеллигента. Но поскольку Байтурсынов все же находился в некоторой оппозиции к царской власти, призывал казаков к национальному об'единению, к культуре, он вместе с казацким байством до известного этапа развития национально-освободительного движения был во главе этого движения.

Иные склонны думать, что Байтурсынов до такого-то периода был идеологом, вождем казацких масс, а вот с такого-то периода он стал вождем контрреволюционного казацкого байства. Неверно. Байтурсынов был и оставался вождем казацкого байства и в национально-освободительном движении участвовал только как представитель и идеолог этого байства. Когда байство—еще, правда, не последовательно, но все же под национальным лозунгом,—об'единяло казацкие массы против русской монархии, против колонизаторского гнета, и тогда идеологи этого байства—Байтурсыновы и Букейхановы—шли во главе национально-освободительного движения и в этот период сыграли об'ективно-революционную, прогрессивную роль.

Наступает 1916 год. Казацкие массы отказываются от мобилизации. Со всех областей и уездов идут телеграммы представителям, „вождям“ казацкого народа—Букейханову, Байтурсынову и Дулатову. Все просят совета, требуют возглавить народное движение против царя. Но увы,—Байтурсынов и другие вожди национальной буржуазии с первых же дней осуждают народное движение против царской власти, восстающие казацкие массы обвиняют в „слепоте, безумстве“. Байство следует за вождями. В первые дни восстания оно еще занимало выжидательные позиции, но потом решительно перешло на сторону царя и приняло активное участие в подавлении восстания¹.

Как выше уже отмечено, в 1916 году газета „Казак“ под редакторством Байтурсынова из газеты кадетствующей, оппозиционной превратилась в газету монархистскую, черносотенную. Байтурсыновы на страницах этой газеты восхваляют царя—этого душителя народов России, и всяких царских палачей—губернаторов. Все вышеприведенные документы написаны большей частью Байтурсыновым,

¹ Тов. С. Сейфуллин в своей книге „Тяжелый путь, трудный переход“ совершенно неправильно оценивает восстание 1916 года и неправильно излагает позицию националистической интеллигенции и казацкого байства. Он по существу оправдывает их позицию. Г. Т.

и правильно пишет он сам, Байтурсунов, что „все, что написано в газете „Казак“ и подписано им,—это их настоящая правда“, что они „никого не боятся, за все то, что написано, отвечают“.¹ Именно—это их настоящая правда. За газету „Казак“ Байтурсунов отвечает, и эта газета под его руководством в 1916 году выполняла роль царского „агитпропа“.

То, что мы сказали в отношении националистической интеллигенции, всецело относится и к Байтурсунову—вождю этой интеллигенции.

6. БАЙТУРСУНОВ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Для Байтурсунова Февральская революция явилась большой неожиданностью. В последнем номере газеты „Казак“ (№ 220), за два-три дня перед самой Февральской революцией Байтурсунов еще продолжал писать „о крепкой царской власти“, о том, что в „российском политическом мире никакого изменения нет и не предвидится“, и т. д.

Вдруг—революция, свержение царя!

Байтурсунов, вчера еще (№ 220) уверявший казакских читателей, что „на шпилке все спокойно, царь крепок“, в № 221 уже вынужден был „приветствовать“ революцию. И в приветствии, обращаясь к казакскому народу, он писал:

„Редакция „Казак“ приветствует казакский народ свободой. Да, пусть при помощи бога взойдет справа луна, слева—солнце и счастье—богатство казакскому народу.“

В специальной статье, посвященной Февральской революции, Байтурсунов возвещал:

„Власть перешла в руки нового правительства. Во главе этого правительства—самые лучшие сыны народа—члены государственной думы, истинные защитники интересов своей родины.“

Далее Байтурсунов перечисляет имена и фамилии этих „самых лучших сынов народа“—министров временного правительства—князя Львова, Гучкова, Милюкова, Коновалова, Мануйлова, Шингарева и др. Особо выпячиваются заслуги помещика Родзянко. По мнению газеты „Казак“ получается, что организатором Февральской революции являлся Родзянко. В следующих номерах „Казака“, в статьях Байтурсунова и Букейханова главным образом популяризуются имена кадетских министров. Они рекомендовались казакским читателям первыми революционерами в России—„сознательными, умными и единственными спасителями русского народа“.

Букейханов через газету дает директиву своим последователям: „организовать приветствие и реальную под-

¹ См. „Казак“, № 195, 1916 г.

держку руководителям временного правительства", и в специальной передовой статье он писал:

„Председатель Совета министров и большинство министров было избрано из членов кадетской партии. Потому, что в этой партии—самые лучшие политики и очень много деловых людей.“

Воспевание и популяризация кадетских министров газетой „Казак“ продолжается до самой Октябрьской революции. Движение народных масс против кадетских министров, временного правительства Байтурсуновым оценивалось так:

„Сейчас в России политические партии раскололись на две группы. Одна группа—удовлетворена теперешним завоеванием революции, вторая группа—не удовлетворена этим завоеванием. Создательная и лучшая часть народов России поддерживает первую группу политических партий. А вторую группу поддерживает несознательная и темная часть народов России.“ (См. „Казак“, № 243.)

В ряде статей и Байтурсунов и Букейханов еще до Октябрьской революции, примерно с июля месяца, писали о большевиках так:

„Русские большевики во главе с Лениным являются шпионами Германии. Германия их подкупила и послала для разложения России. В Петрограде сейчас движением против временного правительства руководят эти большевики. Все уголовные элементы и всякие подонки общества сделались большевиками и хотят создать большую опасность для революции.“ (См. „Казак“, № 248, 259 и т. д.)

А после Октябрьской революции ежедневно, в каждом номере газеты „Казак“, Байтурсунов продолжал писать о большевиках, как о грабителях, разбойниках, насильниках и т. д. Под лозунгом борьбы с большевиками, якобы для защиты от этой „заразы“ была организована и алаш-орда. В одной из своих статей, доказывая необходимость организации милиции (армии Г. Т.) алаш-орды, Байтурсунов пишет:

„Вторжение большевизма в казачскую степь, это—гибель всему казакскому народу. Большевистская власть куда ненавистнее, вреднее царской власти.“ (См. „Казак“, № 253.)

Короче говоря, Байтурсунов и после революции не изменил своей контрреволюционной линии. После революции, как и все кадеты и монархисты, он хотел возглавить национально-освободительное движение на почве Февральской революции, продолжая явно контрреволюционную старую позицию. Революция во главе с кадетами была идеальной революцией для Байтурсуновых. Больше они не хотели и никогда не добивались.

В подготовке организации партии „Алаш“ и правительства алаш-орды, в борьбе их против пролетарской

революции и советской власти Байтурсынов играл виднейшую роль. При контрреволюционной алаш-орде он оставался одним из вождей казацкого байства и контрреволюции. Стало быть, никакой критики не выдерживает утверждение тов. Сейфуллина и других, когда они говорят, что:

„Байтурсынов был предан интересам казацкого народа. Только этим и можно объяснить то положение, что в 1917 году он в интересах казацкого народа вместе с бессовестными казацкими националистами организовал партию Алаш.“

Кто из националистов алаш-ординцев являлся более „совестливым“—это нас совершенно не интересует. Но одно мы знаем хорошо, что все алаш-ординцы были контрреволюционерами, врагами революции, врагами казацких масс. Мы знаем, что Байтурсынов организовал партию „Алаш“ вовсе не потому, что он был предан казацкому народу, а потому только, что он давно предал интересы этого народа, лишь для того, чтобы защищать интересы только контрреволюционного казацкого байства и русской буржуазии.

7. О КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ „ТЕОРИЯХ“ БАЙТУРСУНОВА ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Алаш-орда в своей контрреволюционной борьбе против советской власти принимала все меры, какие только ей были доступны. Вожди алаш-орды блокировались со всеми врагами пролетарской революции. Блокировались они с кадетами,—ничего не вышло. Блокировались с Керенским—тоже ничего не вышло. Наконец, блокировались с Колчаком—Дутовым—и тут ничего не вышло. Пролетарская революция неизбежно побеждала. Победоносная Красная армия разбила и Деникина, и Колчака, и Дутова. В Туркестане к этому времени уже установилась советская власть. Таким образом алаш-орда тогда была уже изолирована от всех своих союзников и окружена почти со всех сторон Красной армией. И, что самое главное,—к этому времени усилилось недовольство казацких масс алаш-ордой. Несмотря на зверские, карательные меры против сторонников советской власти и казацких большевиков, последние, в связи с приближением Красной армии, активизируют свою работу, и отдельные казацкие коммунисты приступают к организации красных отрядов. Началось разложение и в самой алаш-ординской армии. Алаш-орда не чувствовала уже никакой реальной помощи как извне, так и внутри казацкого населения. В результате всего этого она вынуждена была маневрировать и начинать переговоры с представителями советской власти. И вот в этот-то период на сцену выплывает опять Байтурсынов—вчерашний монархист, потом алаш-ординец, который старается стать „советским“ вождем казацких масс. В печати он делает заявле-

ние об изменении своей позиции по отношению к советской власти. Добивается амнистии всем алаш-ординцам. Сам Байтурсынов вступает даже в коммунистическую партию. Но все это со стороны Байтурсынова было только вынужденным тактическим маневром, рассчитанным опять-таки исключительно на обман казахских масс и продолжение своей контрреволюционной алаш-ординской линии на „советской“ платформе. Документы подпольной алаш-ординской организации, раскрытые ОГПУ, со всей очевидностью доказывают, что Байтурсынов переходил на сторону советской власти только с целью разложения и подрыва советской работы изнутри. В 1919 году Байтурсынов, ведя переговоры с советской властью (в Москве), добиваясь амнистии своим соратникам алаш-ординцам, там же одновременно создавал подпольную организацию против советской власти вместе с контрреволюционером Валидовым. Филиалы этой подпольной организации были созданы потом в Ташкенте, Оренбурге, Семипалатинске, Алма-Ата и т. д¹.

Байтурсынов—через печать (см. его статью „Почему я стал коммунистом“) и путем частных писем—всех своих единомышленников призывает вступать в компартию. По советам Байтурсынова и других вождей алаш-орды, в ряде мест алаш-ординцы организованным порядком вербуют своих людей в компартию, причем главным образом они „вербуют“ молодых, рядовых, в прошлом не совсем видных националистов. Большая часть садвокасовской, ходжановской группы состояла именно из таких людей. Через этих же своих людей—молодых националистов, вступивших в компартию и в первые годы организации советской власти в Казахстане уже сделавшихся „вождями“, руководящими работниками (вроде Садвокасова, Аузова и др.)—Байтурсыновы старались проводить свою контрреволюционную линию и распространять свое влияние на казахские массы, в особенности—на казахскую интеллигенцию и молодежь. Надо сказать, что это в значительной части удавалось тогда алаш-ординцам. В первый период организации советской власти в Казахстане Байтурсыновы умело использовывали периодическую национальную печать; она находилась всецело в руках националистов алаш-ординцев.

С первого же дня своего перехода на сторону советской власти Байтурсынов пытается дать алаш-ординское толкование лозунгу коммунистической партии и советской власти о национальном самоопределении казахского народа и в ряде своих выступлений, статей доказывает, что: „советская власть дала казакскому народу то, что хотела

¹ См. доклад т. Голощекина—Десять лет партийного строительства в Казахстане, „Советская степь“, 1930 г., № 231.

с первых же дней революции и алаш-орда". Таким образом, по мнению Байтурсынова, алаш-ординская Автономия тоже самое, что и советская Автономия, с той только разницей, что алаш-ординская Автономия была организована не при советской власти. Эту точку зрения Байтурсынов старался протащить даже от имени советской власти. В одном воззвании, написанном рукой Байтурсынова, от имени киргизского военно-революционного комитета, за подписями всех казахских членов Кирревкома (А. Байтурсынова, С. Менделеева, М. Тунгачина, Н. Бекембетова, Ш. Бекмухаметова и Габдуллы Букейханова), говорилось следующее:

„Если мы хотим быть свободным народом—нам нужно организовать свою Автономию, сами должны быть хозяевами своей судьбы. За время революции мы пробовали организовать Автономию, получали Автономию и от других, и сами тоже пробовали своими силами организовать. Опыт показывает—дело не в названии, а в содержании Автономии. Башкирский народ составляет только $\frac{1}{6}$ часть казацкого народа, и то башкирская Автономия куда прочнее, сильнее нашей Автономии. Почему? Потому что у башкир есть своя армия, а у казаков нет такой армии... Поэтому вся казанская интеллигенция, которая может работать, и вся казанская молодежь, которая может служить,—должны—одни своей силой, другие—своим знанием, в интересах своей нации помочь созданию Автономии. Казанская интеллигенция должна взять в свои руки работу всех тех учреждений, которые организованы на основе алаш-ординской Автономии, и оживить эту работу, а казанская необразованная молодежь должна организоваться в Армию, учиться военному знанию и быть вооруженной силой, способной защищать Автономию. Вот тогда казацкий народ освободится от гнета и тогда действительно будет организована казанская Автономия. Нам необходима помочь (от советской власти.—Г.Т.)—оружием и военным обмундированием, а с нашей стороны (со стороны казанской Автономии—Г.Т.) требуется—продовольствие, лошади и люди. Мы даем (лошадей и людей—Г.Т.) в своих интересах, они (советская власть—Г.Т.) дают тоже в своих интересах. Вот это должна хорошо понять алашская интеллигенция.“

Что характерно в этом воззвании? Характерно то, что алаш-ординец Байтурсынов протаскивает и здесь свое алаш-ординское понимание казацкой советской Автономии. Не говоря уже о том, что в этом воззвании ни одним словом не говорится о контрреволюционной деятельности алаш-орды и о байской эксплуатации казахских масс, о том, что советская Автономия не для баев, а для казахских трудящихся, и т. д., но даже в этом воззвании в самой неприкрытой форме Казанская советская автономная республика противопоставляется всей советской власти, и прочность, реальность казацкой Автономии сводится толь-

ко к вопросу организации казакской армии. По мнению Байтурсуновых, без такой армии Казакская автономная республика—только одно название. Ведь это и есть настоящая контрреволюционная валидовщина! Теперь ясно, почему Байтурсунов именно так писал и чего этим он добивался. Байтурсуновы хотели и при советской власти организовать алаш-ординскую армию и, будучи вооруженными, выступать против советской власти. Как известно, Валидов в Башкирии так и думал использовать сов. Автономию. Поэтому-то вполне понятно—для Байтурсуновых валидовская авантюра являлась идеалом. Не понятно только одно—почему в этом воззвании фигурируют подписи товарищей С. Менделешева и Габдуллы Букейханова. Неужели и эти товарищи тогда стояли на такой позиции?

Знающие товарищи говорят, что Байтурсуновым, в бытность его членом Кирревкома, было написано и другое воззвание всем казакским трудящимся, где писалось, что:

„В быту казацкого народа и сейчас есть родовой коммунизм. Казацкий бай заботится о своем бедняке, помогает ему. Так что казацкий народ в коммунизм придет раньше и легче остальных культурных народов.“

Старая алаш-ординская, но „коммунизованная“ песня! Среди казаков, видите ли, издавна живет коммунизм, поэтому и казакские байи и алаш-ординцы тоже за коммунизм!

Между прочим, такую „теорию“ Байтурсунов проводит и в своих статьях (газета „Жизнь национальностей“). Для чего все это понадобилось Байтурсунову? Был ли он уже так убежден в казацком родовом коммунизме? Ничуть. Байтурсунов хорошо знал о том, как казацкий бай „заботится“ о „своем“ бедняке. Зная все это, он исключительно с целью обмана казака-бедняка, только в интересах бая сочинил эту, насквозь лживую, контрреволюционную „теорию“ о казацком родовом коммунизме. Во всех статьях и воззваниях Байтурсунова (при советской власти) нигде не найти ни одного слова о наличии классового противоречия среди казаков и о том, что казацкая беднота и середнячество должны освободиться от гнета своего бая. Наоборот—во всех статьях и воззваниях Байтурсунов убеждал в отсутствии этого противоречия, писал только о „едином“ казацком народе.

В связи с этим нужно сказать несколько слов и о национализме Байтурсунова. Как известно, казацкое байство и его идеолог—алаш-ординская интеллигенция—во главе с Байтурсуновым и Букейхановым во время Февральской революции обединились с контрреволюционной русской буржуазией. Этот блок они сохранили до ликвидации правительства алаш-орды. И в тот период в статьях Байтур-

сунова очень редко можно было встретить враждебное, националистическое отношение к представителям русской нации. Наоборот, тогда у него был тоже „интернационализм“, он усиленно подчеркивал общность интересов между русским и казацким народами, тогда он говорил, что только общими усилиями эти народы могут освободиться от „узурпаторов“, „немецких агентов“—большевиков. После „перехода“ на сторону советской власти Байтурсынов начал петь по-другому. С первых же дней своей „советской“ работы он стал разжигать национальную рознь между казацкими и русскими трудящимися. Если внимательно прочитать все его статьи советского периода, напечатанные в казацкой печати, то очень легко можно убедиться в том, что в этих статьях красной нитью проходит одна мысль: „не верь русским, организуйся против русских“. При этом Байтурсынов прекрасно знает, о каких русских он говорит. Он пишет о русских большевиках, о русских рабочих, которые руководили Октябрьской революцией и протянули братскую руку своим собратьям—трудящимся бывших угнетенных наций—и помогли им освободиться не только от империалистического гнета, но и от гнета своего бая. Против этих-то русских Байтурсынов и старался организовать недоверие, недовольство казацких масс.

В 1922 году в газете „Энбекши Каз.“ в качестве передовой напечатана большая статья Байтурсынова—„О казацком просвещении“, где он пишет:

„Мы, казаки, только удовлетворены названием Казахской Республики, а содержание Республики не наше,—ей не мы хозяева.“

Далее он эту мысль еще более конкретизирует:

„Болезнь можно вылечить, но привычку никогда нельзя оставить, так говорят казаки. Повидимому наши казаки даже раньше Маркса разузнали закон организации человеческого общества. Представители ранее господствовавшей нации (русской—Г. Т.) как же могут из-за революции отказаться от своего господства? И поэтому-то в органах народного образования руководителями сидят сами русские; они не хотят делиться с казаками. Если у русских очень сильна привычка верховодить, командовать, то у казаков в такой же мере сильна привычка повиноваться подчиняться. Если русские бьют, убивают казаков, это все—обыденное явление; оно не осуждается, все это в порядке вещей. Казаки знают только одно—раболепски повиноваться, беспрекословно исполнять все... У казаков во всякой работе чувствуется какая-то застенчивость, запуганность и нерешительность. Все это хорошо знают русские товарищи.“

Что это такое, если не открытый махровый казацкий шовинизм? Байтурсынов здесь прямо провоцирует, натравливает казаков на русских. В этой статье контрреволюционер Байтурсынов выходит „из подполья“, открыто, без

всякого стеснения, с самыми черносотенными лозунгами выступает против пролетарской революции, против русских коммунистов и рабочих, под видом якобы борьбы против русского гнета.

В другой статье Байтурсынов „теоретически“ обосновывает этот же свой контрреволюционный национализм.

„При царском правительстве, когда казакская степь была покрыта черной тучей, и тогда всех казаков, которые хотели работать в интересах своей нации, всех их окрестили „националистами“ и всячески их преследовали, им не давали ходу, их отстраняли от общественной работы. И сейчас делается то же самое. При таких условиях, любящая свой народ казакская интеллигенция как же может работать и писать? Ведь казакская интеллигенция не собака, которая следует за каждым проезжим (подразумеваются большевики—Г. Т.), не может менять свое убеждение. Интеллигенция, любящая казакский народ, может изменить свой внешний облик, может сверху переодеться в различные цвета, но внутренне она никогда не может измениться и стать ненавистником (под этим словом он подразумевает интернационализм—Г. Т.) казакского народа. Поэтому перед нами два пути: или, испугавшись слова „националист“, подчиниться ненавистному правительству и не защищать казаков от стеснения, или не бояться никого, смело защищать казакские интересы, и пусть что угодно говорят о национализме, но казакская интеллигенция не должна на это обращать внимания. Другого пути нет... Сейчас казаки угнетают, ся не менее, чем раньше. Те, которые угнетали раньше казаков, они и теперь угнетают.“

Так контрреволюционер Байтурсынов обосновывает свой национализм.

Наглее этих утверждений трудно что-нибудь придумать. На такую мерзость, на такую клевету поистине способны только Байтурсыновы.

Из истории 1916 г. мы прекрасно помним, что Байтурсынову царская власть не чужда. Не даром же он воспевал этого „справедливого белого царя“ в 1916 году, когда этот царь пачками расстреливал казаков. Байтурсынов царю не изменял и после Февральской революции. Никто иной, как он же, кадетов—этих либерал-монархистов—восхвалял, как „самых лучших сынов русского народа и единственных защитников России“. Эти же Байтурсыновы потом провозглашали монархиста Колчака почетным своим аксакалом! Мало всего этого. Оказывается—эти же Байтурсыновы в 1918-19 годах собирались провозгласить Букейханова Алихана ханом „Алаш“. Как мне передавали семипалатинские товарищи, чуть ли не у восточной алаш-орды было специальное постановление по этому вопросу. Конечно и тут ничего удивительного нет. Букейханов Алихан еще в 1913 году в журнале „Айкан“ хвастался своим ханским происхождением.

Еще характерно и то, что Байтурсыновы после революции свои алаш-ординские съезды всегда сопровождали всякими ханскими, феодальными церемониями и молитва-

ми из корана. На алаш-ординских съездах самыми почетными, специально приглашенными делегатами были крупные бай-полуфеодалы, потомки ханов, муллы и ишаны.

Чему же тут после всего этого удивляться, если Байтурсынов царскую власть для казаков считал лучшей властью, чем советскую? Байтурсынов нутром своим был монархистом, таким он и остался.

Выше мы разобрали статьи Байтурсынова за 1920-1923 гг. После 1927 г. Байтурсынов со специальными статьями на политическую темы в печати не выступает. Это повидимому обясняется двумя причинами. Во-первых, в этот период многие алаш-ординацы во главе с Байтурсыновым уже исключаются из коммунистической партии; поэтому ограничиваются их возможности открыто проводить свою контрреволюционную работу против советской власти в прежних формах и масштабе. Многие алаш-ординацы лишаются прежних партийно-советских ответственных, руководящих постов. Алаш-ординацы Байтурсыновы переходят на преподавательскую „культурную“ работу. Они делают вид, что „ушли от политики“!

Во-вторых—Байтурсыновы в этот период уже предпочитают выступать со своей контрреволюционной позицией не устами „беспартийного“ или исключенного из партии алаш-ординаца, а главным образом устами казакских коммунистов-группировщиков. Садвокасовы—Ходжановы легально продолжают дела Байтурсыновых (об этом позднее).

Вот только по этим причинам Байтурсынов открыто сам не выступает в печати, но зато он вместе с другими алаш-ординацами усиливает контрреволюционную подпольную работу против советской власти. Они теснее связываются с белой эмиграцией—с Чокаевым, Валидовым, Марсековым и другими. Внутри КАССР приступают к организации вооруженных сил против советской власти. Под непосредственным руководством байтурсыновской контрреволюционной организации создается в Сары-Су отряд Адиловых. Байтурсыновы связываются с остатками басмачества. В ряде казахских отсталых, тогда еще не совсем советизированных районов через байство Байтурсыновы стараются поднять восстание казаков против советской власти. Если взять бетбаккаринское и сузакское события, то не трудно установить их теснейшую связь с байтурсыновской алаш-ординской организацией. Руководителями этих бандитских движений исключительно были бай-полуфеодалы, крупные ишаны и националистическая интеллигенция—алаш-ординацы. Политическими лозунгами их являлись алаш-ординацкие лозунги: „долой коммунистов“, „да здравствует Алаш“, „умереть за ислам“, и т. п.

В этой связи нужно сказать несколько слов и о пози-

ции Байтурсунова во время конфискации казацких баев-полуфеодалов. Конфискацию он называл „разорением казаков“.

Байтурсуновы еще до конфискации вели большую подготовительную работу в том смысле, что они путем посыпки писем и по „узун-кулаку“ предупредили баев, советовали баям распродать скот и перебраться в Китай. Во время самой конфискации Байтурсунов находился в Алматы. И очень характерно—он настолько был предан казацким полуфеодалам, что на одном совещании алаш-ординцев, когда речь шла о конфискации баев-полуфеодалов и когда сообщались имена этих баев, говорят, Байтурсунов заплакал и заявил, что „казацкое добро грабят; лучших людей высыпают. Больше не вернутся старые, свободные, добрые времена казацкой степи“, и т. д.

Да, Байтурсунов не ошибся в том, что „старые времена казацкой степи“ больше не вернутся. В казацкой степи сейчас новые времена и новая жизнь. Сегодня нет уже и вчерашней пустынной казацкой степи. Сегодня эта степь— Караганда, Прибалхашстрой-Коунрад, Карсакпай, Риддер, Степняк, Джетыгара, Эмбанефть, Карагатстрой, Казполиметалл, Акжал, Мясокомбинаты, Химкомбинаты и т. д.

Сегодня эта пустынная степь покрыта сотнями совхозов, многотысячными колхозами, комбайнами, тракторами и т. д. Если в „старые времена“ в казацкой степи свободно жилось только баям, и они только являлись хозяевами степи, то сегодня нет уже этих хозяев баев, вековых эксплоататоров казацких трудящихся; теперь свободно живется только казацким трудящимся массам, казацкому пролетариату. Под руководством коммунистической партии и при братской помощи союзного пролетариата казацкие массы сегодня не только освободились от гнета и эксплуатации баев, но и с невиданными в истории человечества темпами строят новую жизнь, новое социалистическое хозяйство и новую культуру, пролетарскую по содержанию, национальную по форме.

3. БАЙТУРСУНОВ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Когда Садвокасовы и Ходжановы писали, что „Байтурсунов был создателем всей национальной культуры“, то эти же горе-коммунисты путали казацкую байскую культуру с казацкой пролетарской культурой. Они „забыли“, что между этими двумя культурами есть „некоторая“ разница! После всего того, что мы писали выше о Байтурсунове, стоит ли особо доказывать, представителем какой национальной культуры являлся он.

Байтурсынов никогда, ни в какой степени не являлся не только „создателем“ или „отцом“, но и рядовым участником казахской пролетарской культуры. Он как был представителем байской культуры, так и остался им и при советской власти. Но тут нужно особо подчеркнуть, что если при советской власти Байтурсынов являлся чем-нибудь,—то только активным вредителем в нашем культурном строительстве. Я не буду здесь останавливаться на анализе его контрреволюционной и безграмотной „теории“ о культуре вообще, которую он развивал в Казахском университете. Эта „теория“ Байтурсынова в свое время была разоблачена т.т. Голощекиным, Кабуловым и другими в нашей печати. Здесь я хочу привести только некоторые факты из вредительской практики Байтурсынова. Как известно, Байтурсынов до 1926 года сидел в КазНКП и руководил Научным советом. Надо отдать ему справедливость, что за 6 лет своей работы он успел многое наделать. Байтурсыновский дух долгое время господствовал в Наркомпросе. Возьмем хотя бы терминологическую работу НКП. Какие только термины не выдумывались с целью вредительства этими Байтурсыновыми! Слово „интернационал“ переводилось словом „независимистик“, слово „ура“ переводилось словом „Алаш“. лоянационалист“ переводилось словом (почти) „интернационалист“, и т. д.

Алаш-ординцы во главе с Байтурсыновым свою вредительскую работу вели не только при выработке терминов— еще больше они вредили при составлении учебников на казахском языке. Как правило, в тот период учебники писались исключительно алаш-ординцами. Взялись они за это дело сознательно и организованно и опять-таки с целью вредительства и протаскивания алаш-ординской идеологии. Как писались эти учебники? Байтурсынов в своей грамматике, словесности и др. „работах“ проповедывал байскую националистическую идеологию; все примеры, приводившиеся им, брались исключительно из старой жизни казаков, из произведений старых феодальных и алаш-ординских писателей. О современной жизни казахских трудящихся масс в книгах Байтурсынова почти ничего не говорилось. О пролетарских вождях упоминалось в самых последних страницах, и то между прочим. Причем самое характерное здесь то, что во всех этих байтурсыновских „трудах“ всевозможные поговорки, пословицы, былины, сказки, стихи подбирались так, что воспевали исключительно байские интересы и оправдывали их господство в ауле.

Большое вредительское сопротивление мы имели со стороны Байтурсынова при введении нового алфавита. Байтурсынов был ярым вождем противников нового алфавита. Влияние его было на столько сильно, что он перетянул на

свою сторону даже некоторую часть казакских коммунистов. Мало того, против этого всемирного то^чического революционного мероприятия, по выражению В. И. Ленина— „революции на Востоке“, чего только не сочинял и не выдумывал Байтурсынов?! Байтурсыновы всячески старались спровоцировать это движение за новый алфавит и распространяли по „узун-кулаку“ всякие контрреволюционные провокационные „хабары“ о новом алфавите. Они говорили, что „приятие нового алфавита равносильно принятию христианства“, что „это политика русификации“ что это „война христиан против ислама“, и т.д. и т.п. Казакские массы всем этим алаш-ординским, контрреволюционным провокациям не поверили и Байтурсыновы позорно провалились. Новый алфавит по требованию самих казакских масс введен и сейчас прекрасно усвоен казаками.

9. БАЙТУРСУНОВ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ ВНУТРИ КАЗАКСКОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

При анализе всей байтурсыновской политической линии, при ознакомлении со всей его практической деятельностью прежде всего бросается в глаза идеологическая общность его пореволюционной линии с линией многих националистических группировок внутри казахстанской парторганизации. Анализ байтурсыновской позиции показывает, что автором ряда антипартийных взглядов, которые в свое время высказывались многими казакскими коммунистами-группировщиками, в особенности „вождями“, были не сами группировщики, а Байтурсынов. То, что он высказал в 1919-22 годах, в последующем только повторялось, правда, иногда в измененных формах, нашими коммунистами-группировщиками (1921—1926. гг.). И надо сказать, что в этом деле наибольшую последовательность и постоянство проявляет опять-таки С. Садвокасов. Если исходить из этой оценки его позиции, то он действительно был „последовательным продолжателем дела Байтурсынова“, и он не ошибся, когда в докладе о Байтурсынове говорил, что „казакские коммунисты являются продолжателями дела Байтурсынова“. Ошибка его была только в том, что он спутал казакских коммунистов типа Садвокасова— „коммунистов“-националистов с настоящими казакскими коммунистами. В самом деле Садвокасовы во многих вопросах, расходясь с партией, солидаризировались с Байтурсыновым и алаш-ордой и являлись лишь „продолжателями их дела“. Но не отставал от С. Садвокасова и другой „вождь“ группы— С. Ходжанов. Сегодня „поссорившись“, а завтра „помирившись“ с Садвокасовыми, примыкал к ним и третий „вождь“ группы— С. Сейфуллин. „Враждая“ (своебразно) с Ходжановым, „дружил“ с С. Садвокасовым; через него же с Байтурсыновым

связывался и четвертый „вождь“ группы—Т. Рыскулов. В первые годы организации советской власти не свободен был от байтурсыновского влияния и т. С. Мендешев. Правда, он раньше всех остальных „вождей“ (примерно с 1921 года) отходит от Байтурсынова, от коммунистов-националистов и пытается вести с ними борьбу, но, к сожалению, и он не вел борьбу по-настоящему, по-большевистски, а в большей части „по-казакски“, погрупировочному. Идейной борьбы, большевистского разоблачения байтурсыновской идеологии не было и со стороны т. С. Мендешева.¹

Короче говоря, до 1925-26 гг. Байтурсынов по-большевистски почти никем не разоблачался. Наоборот—его контрреволюционная линия гуляла, среди казахских коммунистов имела своих сторонников.

Несколько фактов из истории.

Байтурсынов, в 1921-22 гг. писал, что „русские угнетают казаков, и они не откажутся от своего господства. Хозяевами казахской республики являются русские“, и т. д. (См. „Э. К.“ № 22, 1922 г.). Этую же байтурсыновскую контрреволюционную клевету в 1925-26 гг. почти целиком повторили и Садвокасов—Мунбаев. Как известно, и они тоже утверждали, что „90% русских коммунистов—колонизаторы, которые не дают управлять казакам своей республикой—русские командуют“, и т. д. Ведь это же чистейшая контрреволюционная байтурсыновщина! Вся разница состоит здесь только в том, что контрреволюционную клевету на казахские массы и коммунистическую партию Байтурсынов писал в 1922 г., а Садвокасовы—эти последовательные агенты Байтурсынова внутри партии—повторили эту же клевету спустя 4 года—в 1926 г. Разница только во времени.

Земельный вопрос. Позиция группировщиков во главе с Садвокасовым в земельном вопросе тоже была по существу алаш-ординской позицией. Недаром же консультантами казахских группировщиков по земельному вопросу всегда являлись Букейханов, Испулов и т. п. алаш-ординцы. Садвокасовы не только получали советы от Букейхановых Байтурсыновых, но и проводили их советы в жизнь.

Вопрос о бае. То, что было написано Байтурсыновым о бae в 1919-20 гг., в 1924-25 гг. точ-в-точ было повторено и Садвокасовым.

Вопросы культурного строительства. И в этом вопросе

¹ Здесь, называя фамилии бывших вождей группировщиков (С. Садвокасова, С. Ходжанова, С. Сейфуллина, Т. Рыскулова и С. Мендешева), я беру их как руководителей известной группы и их именем связываю всю группу, которая организовалась под руководством этих вождей. Р. А.

Садвокасов повторял те же зады Байтурсунова. И не только повторял, но и старался претворить их в жизнь.

Тов. С. Ходжанов в вопросах о культуре, об организации массовой компартии среди казаков, коренизации аппарата, привлечении казачской интеллигенции, разрешении земельного вопроса, и т. д. тоже всецело стоял на позиции Байтурсунова.

Позиция тов. Рыскулова в 1920-21 гг. в вопросах организации особой партии мусульманских (или тюркских) коммунистов, особой армии из коренного населения Туркестана, и т. п.—это по существу было тоже позицией Байтурсунова. Между байтурсуновской постановкой вопроса об организации казачской армии и рыскуловской постановкой мало было различий. Тоже самое—и об организации особой компартии тюркских коммунистов. В завуалированной форме это—байтурсуно-валидовщина.

Байтурсуновская „теория“ о значении культуры и о том, что „казаки некультурны, и поэтому они будут эксплуатироваться культурными народами“, в иной форме, но по содержанию то же самое, высказывалась и тов. С. Сейфуллиным. В двух статьях¹ в газете „Э. К.“ тов. Сейфуллин доказывал, что:

„Теперь у казаков старое, свободное, бес民族文化ое время прошло. Раньше у казаков имелся ежегодно² большой прирост скота; теперь такого прироста не будет, а расходы будут больше. Теперь ежегодно и количество казацкого скота будет уменьшаться. Поэтому, если казаки теперь же не позаботятся о своей будущей жизни, то они неизбежно разбредутся и вымрут. Чтобы предотвратить опасность вымирания, казакам что нужно? Нужно в первую очередь просвещение, и еще раз просвещение.“

Чисгейшая байтурсуновщина! В этом своем „пророчестве“ т. С. Сейфуллин никакую Америку не открывает, а только протаскивает байтурсуновский хлам.

В статье „Что надо казакской бедноте“ („Э. К.“ № 89, 1923 г.) тов. Сейфуллин тоже повторяет и о казацком бае байтурсуновскую „теорию“. По тов. Сейфуллину, „казакский бай—сегодня бац, а завтра бедняк. Байское хозяйство зависит от случайности“. Так всегда говорили алаш-ординцы во главе с Байтурсуновым, а потом Садвокасовы внутри нашей партии.

Два слова о себе. Поскольку я был в свое время (1920-24 гг.) в группе С. Садвокасова, в сфере садвокасовского, стало быть, и в алаш-ординско-байтурсуновского влияния находился и я. Все мои статьи, которые я писал в 1921-22 гг. (4-5 статей)² с точки зрения выдержанности никакой критики не выдерживают,—все они группировочные,

¹ См. „Э. К.“ № 55, 1922 г. и № 89 за 1923 г.—Статьи Манап-Шамиль. (Это псевдоним Сейфуллина.)

² См. „Э. К.“ за 1922 г., статьи „О казацкой молоде и“, „Теперь нет оправдания“, „Иначе все—одна мечта“ и др.

антипартийные. Не говоря уже о моей тогдашней политической безграмотности и наивности ряда высказанных мною положений (об организации специального революционного союза казакской молодежи при партийных организациях, оценка работы националистической молодежи, и т. д.), в этих статьях я слепо защищал садвокасовщину тем самым защищал и Байтурсыновщину.¹

Наконец, несколько слов об организационном влиянии Байтурсынова на группировки казакских коммунистов. Мне думается, что Байтурсынов на казакских группировщиков влиял не только идеально, но и организационно. Будучи уже беспартийным, Байтурсынов был одним из видных участников в группировках казакских коммунистов. Я лично не работал в Оренбурге в краевом центре, поэтому мне не приходилось участвовать в краевых групповых заседаниях и сталкиваться лично с Байтурсыновым. Но по рассказам самих же бывших группировщиков краевого масштаба, Байтурсынов, будучи беспартийным до крайней мере до 1924-25 гг., до некоторой степени был и организующим, об'единяющим центром многих казакских группировщиков. В групповых „переговорах и пермириях“ между казакскими коммунистами Байтурсынов принимал активное участие.

Рыскулово-садвокасовский блок в 1921-23 гг. совершился с участием Байтурсынова. Ходжаново-садвокасовский блок (1920-25 гг.)—тоже с участием Байтурсынова. Даже и в Ташкенте рыскулово-ходжановское „пермирие“

¹ Пользуясь случаем, я хочу здесь дать справку об одном Байдильдиновском показании. В своем докладе „10 лет партийного строительства в Казахстане“ тов. Голощекин приводит одно показание Байдильдина, где он говорит, что „я помню одно наше совещание в квартире Алдунгарова, которого Садвокасов просил пригласить меня. На этом совещании присутствовали: я, Тогжанов, Алдунгаров, Нахимжан и Садвокасов. Тут опять Садвокасов выдвигал предложение об организации. Это было перед V конференцией“

Перед V конференцией меня в Казахстане совсем не было, я учился тогда в г. Москве. Приезжал в Кзыл-Орду только в начале 1926 г. для обследования казакской печати по командировке ЦК ВКП(б).

Никакого специального совещания, тем более секретного, никем не созывалось. Был я у Алдунгарова, и среди других были и С. Садвокасов, Байдильдин и др. О его предложении об организации не помню, но хорошо знаю одно, что с Садвокасовым мы долго спорили. Садвокасов обвинял меня в „левизне“, в „карьеризме“, называл меня „книжником“ и доказывал, что я не знаю казахстанской обстановки, оторвался, что 90 процентов русских коммунистов в Казахстане—колонизаторы, 60 процентов их нужно расстрелять, и т. д. Я его назвал алаш-ординцем. Тем наши разговоры и кончились. Мы разошлись. Об этом факте в 1926 г.—уже после приезда в Казахстан на постоянную работу—на III пленуме, в своей речи я говорил. Так что ни перед самой партконференцией, ни после нее с тов. Садвокасовым я несовещался и не солидаризировался, ибо в этот период я уже ушел из его группы и боролся с садвокасовщиной. Г. Т.

✓ происходило при посредстве этих же Байтурсуновых. Садыковасово-сейфуллинский блок 1923-25 гг. совершился тоже не без участия Байтурсуна. Об этом блоке я раньше мало знал. Более подробно узнал только недавно со слов тов. Муканова и отчасти самого тов. Сейфуллина.

Поскольку во всех этих „переговорах и перемириях“, принимал участие Байтурсунов, надо полагать, что он участвовал не в качестве простого зрителя, а наверное был одним из организаторов и руководителей этих „переговоров и перемирий“, был своего рода аксакалом на этих „переговорах“. Если так, то он имел и организационное влияние на многих казакских группировщиков, а эти же группировщики, в свою очередь, нашли много идеально общего с Байтурсуновым—иначе они не прибегали бы при „групповых переговорах“ к его помощи.

10 РАЗОБЛАЧИТЬ БАЙТУРСУНОВЩИНУ ДО КОНЦА

Из всего вышесказанного можно сделать следующее заключение.

✓ Первое. Байтурсунов был и остался байским идеологом—вождем полуфеодального байства. До 1916 г.—до его предательства—поскольку он еще находился во главе национального движения и тогда он еще являлся прогрессивным буржуазным деятелем. С 1916 года он переходит на путь реакции, на сторону царского правительства. Между Февралем и Октябрью он старается возглавить национально-ссыпьбодительное движение, сам будучи контрреволюционером. На почве Февральской революции Байтурсунов организовывает контрреволюционное „национальное“ байское правительство. Переход Байтурсуна на сторону советской власти—вынужденный тактический ход для использования Казахской Советской Автономии в алаш-ординских целях. Одновременно он продолжал и „подпольную“ и открытую контрреволюционную, вредительскую работу против советской власти. До раскрытия подпольной организации он являлся вождем контрреволюционной алаш-ординской интеллигенции.

Второе. Казакские коммунисты-уклонисты различных мастей в борьбе против партийной линии во многих вопросах находили общий язык с Байтурсуновым. Байтурсунов на многие казакские националистические группировки оказывал идеальное и организационное влияние. Но эти байтурсуновские влияния, которые имели место в работе и в групповой линии многих группировщиков-коммунистов, в особенности тогдашних „вождей“ и руководящих казакских коммунистов, до сего времени, даже после признания многими из них своих группировочных ошибок, по-большевистски не осознаны и не разоблачены. И если недостаточ-

но разоблачен сам контрреволюционер Байтурсынов, то еще менее разоблачена байтурсыновщина, имевшая место среди беспартийной интеллигенции и казакских коммунистов. Байтурсынов умел обманывать казакские массы и интеллигенцию. В первые годы советской власти, особенно среди тогдашней интеллигенции (партийной и беспартийной), он пользовался большим влиянием. Только этим и можно объяснить его участие в групповых „переговорах“ казахских коммунистов и контрреволюционные выступления на страницах советских газет.

От байтурсыновской идеологии отдельные казахские коммунисты и некоторая часть беспартийной интеллигенции и сейчас еще окончательно не освободились. Имеются еще такие казахские коммунисты, которые свою антипартийную позицию в прошлом стараются выдавать за большевизм или же замалчивают ее, избегают открыто говорить, писать об этих своих ошибках. Даже те товарищи, которые давно признались в своих группировочных заблуждениях, и те в большей части ограничиваются признанием своего участия только в группировках—вот, мол, я был в такой-то группе—и тем ограничиваются. Но этого недостаточно. Это полупризнание. Такое признание мало дает не только самим этим товарищам, бывшим группировщикам, но мало дает оно и для всей казахской партийной организации. Признание своей группировочной линии в прошлом обязательно предполагает большевистское разоблачение—выявление классовой идейной подоплеки этой линии. Тот казахский коммунист—бывший группировщик который не делает этого, тем самым доказывает, что до конца он еще не осознал, политически не осмыслил всю вредность своей антипартийной линии в прошлом. Особенно это относится к руководящим коммунистам. Мне дается, что теоретическое осмысливание и большевистское разоблачение группировочной линии и националистических ошибок в прошлом—это первейшее условие для „вождей“ и руководящих группировщиков, для действительного становления на партийный путь. Этого не осознали многие бывшие руководящие группировщики, в особенности—бывшие „вожди“ группировок.

С. Садвокасов—как уже выше отмечалось—наиболее последовательный выражитель алаш-ординской, байтурсыновской идеологии внутри партии, идейный „комбинат“ всех антипартийных группировок,—до сего времени не только не разоблачил свою антипартийную, алаш-ординскую линию, но даже не сделал к этому ни малейшей попытки. Его критикуют, разоблачают его алаш-ординскую байскую линию, а „Васька слушает да ест!“ А сколько товарищей из бывших руководящих работников садвокасовской группы

разоблачили садвокасовщину? Возьмем хотя бы в качестве классического примера т. т. И. Мустамбаева и С. Султанбекова. Они как-будто признались и заявили, что они „были садвокасовцами“. А дальше, что они сделали? Абсолютно ничего. Мустамбаев в бытность группировщиком являлся одним из активных писак, а после „признания“ совсем перестал писать. Почему так? Садвокасовщину пропагандировать он мог и не плохо пропагандировал, а теперь, если он действительно по-большевистски осознал свои ошибки, почему ему теперь не разоблачить эту садвокасовщину? Сделать это не только можно, но даже обязательно для тов. Мустамбаева. Да и не только для одного Мустамбаева, но для всех бывших садвокасовцев, особенно—бывших руководящих садвокасовцев.

С. Ходжанов. Тоже—„вождь“, и он тоже в своей антипартийной работе не отставал от тов. С. Садвокасова. Правда, в открытом письме на имя тов. Исаева (1927 г.) он „резолютивно“ признал свои основные антипартийные ошибки, но этим и ограничился. Разве этого достаточно? Тов. Ходжанов обязан был разоблачить ходжановщину до конца—эту националистическую группу, которая, как и садвокасовщина, отражала алаш-ординскую байтурсыновскую, идеологию. Однако этого он не сделал до сего времени. Далее. Много ли товарищей из бывших ходжановцев по-большевистски разоблачили ходжановщину? По крайней мере я нигде еще не встретил и не читал ни одного выступления ходжановца из среды бывших руководящих работников, которые бы разоблачали ходжановщину. Пока что и они ограничиваются отмалчиванием. А тактика отмалчивания, как известно, есть продолжение борьбы с партией иными средствами и в иных формах.

Тов. Рыскулов. Тоже—бывший „вождь“ группы. Говорят и пишут о его антипартийных ошибках в прошлом. Но беда в том, что ни сам тов. Рыскулов ни его бывшие последователи о своих ошибках не пишут, предоставляя эту работу „посторонним“ коммунистам. Как известно и у тов. Рыскулова и его группы ошибки были не пустяковые. О них должна знать казахстанская партийная общественность.

С. Сейфуллин. Тоже—„вождь“ одной из групп. До последнего времени и тов. Сейфуллин и все его бывшие последователи старались доказать, что они, сейфуллинцы, были левыми среди казахских коммунистов, что они боролись с национализмом, с алаш-ординской идеологией. Я против этого возражал—против такого обмана партии—и сейчас возражаю. С. Сейфуллин никогда не был левым. Тов. Сейфуллин дореволюционный националист и после революции „болел“ этим национализмом. Его национализм сквозит и в творчестве и в его политической линии; это второй экзем-

иляр садвокасовско-байтурсыновского национализма. Вся разница между ними лишь в том, что т. Сейфуллин иногда свой национализм протаскивал под лже-левыми фразами. Но от этого его национализм никак не становится интернационализмом. Далее. Другой характерной особенностью тов. Сейфуллина является и то, что он с первых же дней своего вступления в партию стал последовательным троцкистом. В своем творчестве и статьях он воспевал и идеализировал этот контрреволюционный троцкизм. Третьей „особенностью“ т. Сейфуллина является то, что он и в творчестве и в статьях по основным вопросам партийной политики в Казахстане (о бае, о культуре, в оценке дореволюционного классового отношения в ауле, и т. д.) стоял на позиции С. Садвокасова и Байтурсынова. Ко всему этому надо еще прибавить, что тов. Сейфуллин в своих художественных трудах воспевал и элементы казахской феодальной культуры. Все эти ошибки тов. Сейфуллин до последнего времени не признавал. Совсем недавно на одном литературном диспуте по поводу его творчества он более или менее искренне старался признать свои ошибки. В своей заключительной речи он признал свой национализм и блок с Садвокасовым, признал свой контрреволюционный троцкизм, признал также, что в его творчестве имеется „правый уклон“ и воспевание байско-феодальной идеологии“ и что он „до последнего времени не понимал генеральную линию партии“, и т. д. Спрашивается, что тут левого? Если это „левизна“, то что такое тогда „правизна“ — в казахских условиях садвокасовщина? Обязанность и тов. Сейфуллина (он уже сделал первый шаг, надо довести дело до конца) и бывших сейфуллинцев; вместо того, чтобы обманывать и себя и партию, по-большевистски осознать классовые корни антипартийных, националистических, троцкистских и правооппортунистических ошибок сейфуллинщины, не виляя, не замазывая, по-большевистски разоблачить их до конца.

Мало я упоминал здесь имя тов. Мендешева, — тоже одного из бывших „вождей“ группы. Но я это делал сознательно. Тов. Мендешев раньше всех остальных „вождей“ и группировщиков ушел из-под влияния алаш-ординской интеллигенции, в том числе и Байтурсынова. Поэтому-то, главным образом, его и всю мендешевскую группу все остальные группировки назвали „предателями и колонизаторскими приспешниками“, и т. д.

Ни в какой мере я не намерен оправдывать т. Мендешева и его группу. Эта группа наделала тоже много политических ошибок, но тем не менее мендешевщину нельзя сопоставить и сравнить с садвокасовщиной, ходжановщиной и другими „щинами“. Во-первых, садвокасовщина-ходжа-

новицна идеино (и не только идеино) господствовала тогда среди казакских коммунистов и являлась агентом контрреволюционной алаш-орды—байтурсыновских влияний внутри партии. А мендешевщина, даже как группировка, среди казакских коммунистов большим влиянием (в особенности идеологически) не пользовалась. Самой большой опасностью среди казакских коммунистов была, остается и доныне саджакасовщина-ходжановщина.

Во-вторых, тов. Мендешев и его группа не только раньше всех группировок ушли из-под влияния алаш-орды, Байтурсынова и др. националистов; они пытались—правда, не всегда последовательно—бороться с алаш-ордой и со всеми националистическими группировками. Поэтому то раньше всех остальных казакских группировщиков основная часть бывших мендешевцев вместе с лучшими элементами из других групп после V конференции схватилась и дралась за партийную линию¹.

Третье. Выше уже отмечено, что алаш-ординское влияние, в частности ее вождя Байтурсынова, в прошлом особенно сильно было среди беспартийной интеллигенции и учащейся молодежи. Основная часть алаш-ординской интеллигенции осталась верной своей контрреволюционной линии и вместе с Байтурсыновым вступила на путь создания „подпольной“ организации против советской власти. Небольшая часть из бывших алаш-ординцев как будто откололась от алаш-ординских вождей, и эта группа бывших алаш-ординских работников сейчас работает в качестве специалистов в различных казахских учреждениях. Казалось бы и для этой группы бывших алаш-ординских работников, если они действительно отказались от своей старой контрреволюционной позиции и стали советскими работниками, их прямая обязанность—помочь казацким трудящимся и советской власти своим активным участием в борьбе последних с контрреволюционной алаш-ордой и байтурсыновщиной. Но почему-то эти работники (бывшие алаш-ординцы) этого не делают. Тоже отмалчиваются.

Выше мы отметили, что среди не алаш-ординской, а советской интеллигенции, имелись отдельные научные работники, которые упрекали нас, казахских коммунистов, в недооценке Байтурсынова, и что „Байтурсынов не хуже Чернышевского“, и т. д. Одной из таких была Амина Маметова—теперь научная работница КазНКП. Против нее была в свое время направлена соответствующая критика. Но и она до сего времени нигде не призналась в своих ошибках и нигде не выступала с разоблачением байтурсыновщины. Раз так, надо полагать, что она и по настоящему вре-

¹ См. доклад тов. Голощекина—„Десять лет партийного строительства в Казахстане“, „Советская степь“, № 231, 1930 г.

мя считает контрреволюционера Байтурсунова казакским Чернышевским! О Байтурсунове приблизительно в том же смысле писали и некоторые другие беспартийные казахские научные работники. Но до сего времени никто из этих работников не выступил с критикой своих ошибок в прошлом и всей байтурсуновщины в целом.

Четвертое, Алаш-орда разоблачена. Разоблачен и ее вождь Байтурсунов, но этого еще недостаточно, потому что многое и об алаш-орде и о Байтурсунове еще не разъяснено казацким массам. Многие факты из контрреволюционной деятельности алаш-орды и Байтурсунова не собраны, не изучены и должным образом по-большевистски не разоблачены. Не достаточно разоблачены не только алаш-орда и Байтурсунов, но не разоблачено в должной степени алаш-ординское, байтурсуновское влияние среди беспартийной интеллигенции и казахских коммунистов.

Остатки алаш-ординской интеллигенции, казацкое байство и их агенты—оппортунисты всех мастей—внутри партии будут еще пытаться выступать против социалистического строительства в Казахстане.

Националистические вылазки отдельных казахских коммунистов-уклонистов, оппортунистическое отношение к выполнению плана хозяйственно-политических кампаний в ауле, отказ от классовой борьбы под видом, якобы, отсутствия баев, противопоставление интересов отдельного района или колхоза интересам пролетарского государства, и наконец—торегожинщина, национально-байские влияния в литературе и т. д.—все это есть непосредственное отражение и влияние байских интересов и алаш-ординской идеологии внутри партии.

Казахстанская партийная организация давала отпор всем этим проявлениям и вылазкам оппортунистов "уклонистов"-националистов, но надо и в дальнейшем ни в коей мере не ослабить эту борьбу. На февральском пленуме крайкома ВКП(б) многие руководящие казахские коммунисты отметили, что за последнее время мы имеем в Казахстане оживление местного национализма. Это и вполне понятно. Социалистическое наступление по всему фронту, коренная переделка старого аула, коллективизация казахских бедняцких и середняцких хозяйств, сплошное оседание кочевых и полукочевых хозяйств и ликвидация байства как класса на основе сплошной коллективизации, бурный рост крупных промышленных гигантов во вчерашней казахской пустыне, рост культурного строительства, и т. д.—все это не может не вызвать отчаянного сопротивления классового врага—отживающего класса баев и их идеологов—алаш-ординцев. Факты о хищническом и вредительском убое скота в ряде казахских аулов, разбазарива-

ние колхозного имущества, скота и хлеба, попытка создать антагонизм между казакскими рабочими и колхозниками и русскими рабочими и колхозниками и, наконец, оживления всяких „кулуарных“ антипартийных разговоров и всяких сплетен в устах отдельных казакских коммунистов-группировщиков, оппортунистов об обнищании казацкого хозяйства, и т. д.— все эти факты только подтверждают наше мнение об оживлении местного национализма, об активизации алаш-ординского и байского влияния среди казаков.

Ведя решительную борьбу и в дальнейшем с великодержавным шовинизмом как главной опасностью, надо усилить борьбу и с местным национализмом. Борьба с местным национализмом, в особенности в казацкой печати, ведется явно недостаточная. Примиренческое отношение к проявлениям местного национализма, а иногда замазывание и поддержка последнего, имеют место со стороны и отдельных районных организаций. Недавно в газете „Социалды Казакстан“ напечатана статья о национализме тов. Токтабаева Исы, известного группировщика-ходжановца. Оказывается этот Токтабаев не только до сего времени продолжает свою группировочную работу, но до сего времени он повторяет байтурсыновскую, алаш-ординскую клевету о Казахстане. По его мнению — „казацкое хозяйство идет к обнищанию; Караганда—только громоотвод Голощекина, Исаева“, что там—„пустыня, ничего нет“, и т. д. Все эти „прелести“ он говорил, доказывал в г. Кзыл-Орде. А кзылординские руководящие товарищи с ним дискусионировали... и только! Как квалифицировать такое отношение кзылординских товарищей к укленисту-националисту Токтабаеву? А такие факты мы имеем не только в г. Кзыл-Орда.

Из всего этого—единственный вывод: разоблачить алаш-ординскую, байтурсыновскую идеологию и практику до конца, где бы она ни проявлялась (в прошлом и настоящем), в каких бы формах она ни выражалась.

Долг каждого члена партии, в интересах победы действительного пролетарского интернационализма, в интересах полного торжества ленинской национальной политики и окончательной победы генеральной линии партии—победы социализма, долг каждого большевика—бороться решительно и до конца на два фронта в национальном вопросе, бороться с великодержавным шовинизмом как главной опасностью и с местным национализмом, который активизируется особенно за последнее время. Вместе с тем необходимо разоблачать и бороться с примиренчеством—гнилым либерализмом,—границающим с „преступлением, изменой рабочему классу“ (Сталин).

СОДЕРЖАНИЕ

1. О революционной роли националистической интелигенции	3
2. Национально-освободительное движение и алашорда.	8
3. Партия „Алаш“—партия полуфеодального байства	9
4. Алаш-ординская легенда о Байтурсынове.	12
5. Был ли Байтурсынов вождем национально-освободительного движения до революции?	17
6. Байтурсынов после Февральской революции.	21
7. О контрреволюционных националистических „теориях“ Байтурсынова при советской власти.	23
8. Байтурсынов и национальная культура.	30
9. Байтурсынов и националистические группировки внутри казахской парторганизации.	32
10. Разоблачить байтурсыновщину до конца.	36

Редактор А. Борухин. Техредактор А. И. Гессен.

Отпечатано в г. Алма-Ата. Типография № 2 Поступило в производство 4/IV-32 г. Подлежит к печати 28[V-32 г. 2^{3/4} печ. листа, 1³/₄ бум. листа. формат бумаги 62×87 см, 116, тираж 4000 экз. Казлито № 0,57. Огиз 97. Заказ № 1662

В ИЗДАНИИ КРАЕВОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ОГИЗ
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. <u>Ф. И. ГОЛОЩЕКИН</u> —Завершил пятилетку в четыре года	Цена — 15 к.
2. <u>Его же</u> —Пятилетка построения социализма	„ — 25 к.
3. <u>Его же</u> —Задачи областных парторганизаций	„ — 25 к.
4. <u>А. ДИСКОНТОВ</u> —Об итогах третьего рас- ширенного пленума Казкрай- кома ВКП(б)	„ — 20 к.
5. <u>У. ИСАЕВ</u> —Об итогах 1931 года и коя- трольных цифрах народнохо- зяйственного плана на 1932 г.	„ — 20 к.
6. <u>И. КУРАМЫСОВ</u> —За ленинскую наци- ональную политику в Ка- закстане	„ 2 р.
7. <u>М. КАХИАНИ</u> —За перестройку КазАПП, за оперативность в работе большевистской печати	„ — 45 к
8. <u>И. МАЙМИН</u> —Казакстан в 1932 году	„ — 50 к
9. <u>Г. ТОГЖАНОВ</u> —О Байтурсынове и бай- турсыновщине	
10. <u>И. ШЕСТОВ</u> —Под знаменем Ленина	„ — 25 к
11. <u>А. НИЧИПОРОВИЧ</u> —Вырастим тау-сагыз— советский каучук	„ — 40 к.
12. <u>С. ШАПИРО и Г. СЕМЕНОВ</u> —15 миллио- нов га сенокоса.	„ — 30 к.
13. <u>Л. КАГАНОВИЧ</u> —О задачах профсоюзов СССР на данном этапе	„ — 20 к
14. <u>Н. ШАГУРИН</u> —Повесть о тау-сагызе.	— 70 к

